

Острое чувство

Рассказ

— Можно, я к тебе немного попростаю?.. — лёжа в постели, начал утренний разговор Петрович.

— Ы-ы-ы... — сонно ответила ему жена.

— Ну просто хочется чего-нибудь остренького, — не очень экспансивно, словно бы не веря в успех, продолжал осаду крепости Петрович.

— Остренького ему!.. — начала просыпаться жена. — Поди возьми на кухне нож и уколись.

Неприступная, как Бастилия, жена ещё что-то буркнула, вроде «изыди», и вновь провалилась в сон.

— Утром не трогай, вечером не трогай... А когда?! — против воли вырвалось из глубин души Петровича сакраментальное.

— Ла-а-адно, — решительно отбрасывая одеяло и вставая, нажимал в голосе Петрович. — Нынче тебе не Восьмое марта, а тридцатое апреля. И праздник — на моей улице.

— ...Паразитируем! — негодовал он на кухне, гремя кастрюлями. — Жрать нету, а она разлеглась! Будто не в деревне живём. Где барабуля, где грибочки да огурцы?!

Он сначала попаразитировал над скукоженным в холодном желе окорочком, поточил зубы о кости. Затем долго вылавливал в стеклянной банке огурец, покуда, юркнув по скользкой клеенке, банка не вернулась со стола.

— У меня двухлитровых и так не осталось! — возопила в спальне жена.

Однако Петрович в эту минуту её не боялся: ему казалось, нынешним утром его гнев был значительно праведнее. А посему он спокойно навёл добрую бадейку чайку. Сахарок сыпал в посудину от плеча, а потом воткнул ложку в едва подкрашенное испитой заваркой пойло и там несколько раз ею провернул.

Выйдя на крыльцо, Петрович пустил длинную, насколько хватило компрессии, струю. Как всегда, получилось аккуратно на собачью будку. Роса стекла по ржавому железу крыши собачьего дома. «Ну и приду-урок!» — обидевшись, гавкнул Смирный. Затем зевнул во всю собачью пасть, глянул недобро на хозяина и сглотнул слюну.

Петрович бросил псу кость, тот сосредоточенно захрустел ею.

Петухи ещё не отпели, день только занимался, и Петрович, облокотясь на заваливающийся забор, захотел посмотреть, чего там делает деревня. Деревня помалу просыпалась.

По улице, петляя между луж и комьев грязи, шёл Кашей. «Ко мне?» — жестом спросил Петрович. «К тебе», — утвердительно кивнул Кашей, с трудом перемещая огромное рыхлое тело по уличному неудобью.

Счастья по поводу раннего визита соседа Петрович не выказал, было очевидно — Кашей ищет, где бы хапнуть стаканягу.

— Петрович, чего-то у меня с самого Вербного такая тяжесть в кишках. Может, у тебя что из лекарства есть, язвочку припечь? — заскулил Кашей, подойдя ближе.

— Сегодня до самого вечера нельзя, нынче ведь в поле. Блюсти себя надо. Я вон и на жену не стал залазить. Чуть не убила — так я не давался. Не баба, а зверь!

— Тебе хорошо, ты вчера наблюлся так, что погрузчиком с машины сгружали. Тебе ресурсу до вечера хватит. А мне надо.

— Где сегодня на зорьку садишься? — без демонстрации жалости к соседу резко сменил тему Петрович.

— На Амуре, где же ещё. На нашем месте. Говорят, гусей на косах, как комаров по лету. Вот тебе и поздняя весна. Да жи-ирные! Летят, аж сало с них капает. Тебе как раз: втирать в плешивую башку — очень росту волос способствует! — съёрничал Кашей.

— Ладно. За что водку брать будем, то есть как будем охотиться? Может, как в прошлом году?

— Выходит, как в прошлом.

Кашей отправился домой, но вскоре вернулся, невероятным образом выгнувшись и выплясывая под мешком, доверху набитым зерном.

— Зови свою! — прохрипел он, сваливая мешок на крашеное крыльцо.

Петрович сходил в дом и вскоре вернулся, но уже вместе с женой.

— Ну, не знаю. Ты как хочешь, конечно, а я бы не брал зерно. Докормим до нового урожая скотину и так. Денег и так ни на хлеб, ни на сахар нету, — старался убедительнее аргументировать Петрович.

— А то я тебя, козла гулящего, спрашивать буду! Тебе, что ли, курей кормить? У тебя ни за чё голова не болит, только бы шары с ранья залить!

— Ну ладно тебе гавкать при людях... — ударил на последнем слоге Петрович.

Получив деньги, Кашей поспешил скорее убраться прочь. Жена Петровича — известная гроза авторитетов. «Ей словом отхарить, — объясняет Петрович, — как мне курёнку голову отнять».

— Ладно, у меня сегодня короткий день. С обеда займёмся поросятами. Выложить надо, — распорядилась жена, уходя на работу.

Петрович, дождавшись, когда за ушедшей по улице супругой уляжется пыль, подхватил мешок с зерном и понёс его через улицу.

— Кашей, зови свою!

— Ну, не знаю... Петрович вот зерно продаёт. Как хочешь, конечно, но я бы не брал. На сахар бабок не хватает, — занял Кашей.

...Сложив купюру вчетверо, Петрович сунул её во внутренний карман.

— И какая выходит арифметика? — спросил один.

— Известная: водкой пять бутылок, самогонкой восемь, — ответил другой.

— Восемь — лучше, — заметил Кашей.

— Базару нет, — согласился Петрович.

Жена пришла с работы в обед. Одного за другим затолкали поросят в бочку и лишили их орудия воспроизводства. Довольная, что всё быстро и ладно устроилось, жена приказала Петровичу истопить баньку. Петрович не прекословил.

— Ладно, ладно, не тужи... — сомлевшая после прожарки в баньке, жена с негой в голосе пообещала: — Будет тебе сегодня остренькое. Острее кетчупа «Чили»...

— У тебя есть кетчуп «Чили»? — по телефону спросил у соседа Петрович. — Возьми.

— Всё остренькое берём с собой, — загадочно проговорил сосредоточенный, всецело занятый своими мыслями Петрович.

— Какой же ты, однако, с самого утра нынче игривый, — по-своему поняла жена мужа.

В назначенный час Петрович юркнул в прогревающуюся по другую сторону дороги машину Кашей и был таков.

— А как же остренькое?! — возмутилась прозревшая супруга.

«Остренькое — в рюкзаке!» — жестами дал ей знать Петрович.

А Смирный стал биться на цепи так, что разогнул проволоку, соединяющую звенья, и, махнув через забор, устремился вслед за удаляющейся машиной. На окраине села он настиг её и был впущен внутрь.

— Ладно, с полем, что ли? — провозгласил Кашей, одной рукой держа баранку, а другой — пластмассовый стакан. Влага выплёскивалась из посуды — аккуратно выехали на грунтовую дорогу, и руль плохо слушался.

— Ты бы уж остановился, что ли... — подсоветовал Петрович.

— Надо быстрее, чтоб место забить, — ответил Кашей.

Место забили достойное. Однако народ всё подваливал и подваливал, и на берегу стало тесновато.

За хлопотами не заметили, как наступила вечерняя зорька. Пернатая живность принялась носиться над полями и ещё стыл原因м руслом реки. Особенно нетерпеливые до срока кое-где начали постреливать. «Тра-та-та-та!» — оттянул кто-то у самой проволоки из карабина. «Пу-ухх! пу-ухх! пу-ухх!» — отметилась серией выстрелов длинноствольная пятизарядка. «Пук!» — скромно подключился тридцать второй калибр.

— Начало-о-ось... — растянувшись на берегу во весь рост, заныл раскрасневшийся Кащей.

— Ты бы хоть травы насобираи да подстелил, протянет ведь, — сделал замечание Петрович.

— Я те чё, ботаник, что ли? — отмахнулся Кащей. — Сам бы лучше сходил да хоть какую утёшку на уху сшиб. Консерву всю сожрали.

— А я, по-моему, и ружья-то не взял.

— Как в прошлом годе?

— Ага. Как в прошлом годе.

— Да и я как-то патроны не те захватил. Ладно, схожу у мужиков займу хоть пяток. Только ты тут без меня новую не начинай.

Кащей доковылял на своих больных ногах до соседнего табора и быстро, почти бегом вернулся.

— Вот, дали два с пулей и два с картечью. Пойдёшь?

— Ага, как раз на бекаса и пойду! — съёрничал Петрович и икнул.

Соседи-товарищи кое-как развели костерок. Он сразу хорошо так занялся, однако быстро скис. Дрова оказались сырыми. Но соседи говорили и говорили. Почитай что год не общались столь плотно. А тут всё располагало к беседе обстоятельной, толковой и глубокой: и природа, и суета охотничья, и эти беспрестанно снующие над полем чирки... Впрочем, самые серьёзные, капитальные темы пошли аккурат после полуночи.

— Будет Ельцину импичман или нет? — сурово глядя на соседа, спросил один.

— Никакого пичмана не будет! — твёрдо заявил другой.

— Ладно. Если не будет, то, выходит, уже до Нового года будет снижение цены на водку. Говорят, и чище станет. Монополия государства будет. Ну его, тот пичман.

— А голова Всемирного валютного фонда молоде-ец. Сказал: хрен вам, а не бабки, — и выдержуит характер... Старый конь борозды не спортит.

— Да-а. Чем старше бык, тем твёрже рог...